

ПОВЕСТЬ
ОБ ОДИНОКОМ
ВЕЛОСИПЕДИСТЕ

НИКОЛАЙ ДВОЙНИК

Николай Двойник

**Повесть об одиноком
велосипедисте**

«WebKniga»

2011

Двойник Н.

Повесть об одиноком велосипедисте / Н. Двойник —
«WebKniga», 2011

Одиночество в большом городе, одиночество человека в толпе... Одиночество велосипедиста на дороге, которое, быть может, сродни одиночеству мореплавателя или одиночеству мыслителя-странника. То, что пешеходы, водители и пассажиры автотранспорта в ежедневной суете уже почти не замечают, – велосипедист видит по-своему, с необычного ракурса, пространство вокруг человека на велосипеде приобретает другие координаты и очертания, привычное обретает иной, более глубокий смысл. Да и в его отношениях с людьми, похоже, также происходят какие-то перемены. В повести Николая Двойника очень точно передается ощущение совершенно особого движения – велодвижения по жизни.

© Двойник Н., 2011

© WebKniga, 2011

Содержание

Отрывок 1[1]	6
Отрывок 3	7
Отрывок 4	8
Отрывок 5	9
Отрывок 6	10
Отрывок 7	11
Отрывок 8	12
Отрывок 9	13
Отрывок 10	14
Отрывок 11	15
Отрывок 12	16
Отрывок 13	17
Отрывок 14	18
Отрывок 15	19
Отрывок 16	20
Отрывок 17	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Николай Двойник

ПОВЕСТЬ ОБ ОДИНОКОМ ВЕЛОСИПЕДИСТЕ

Круг – самая совершенная фигура. У меня этих круга целых два. И я качу на них, как пел мультяшный кот Леопольд, куда хочу. Свобода от расписаний и цен на билеты, свобода от предназначенных машинам шлагбаумов и бензозаправок. Свобода, покупаемая ценой многочасовых духовно-физических упражнений. Монотонное движение педалей, мантра дальних и недалних дорог. Все зависит от тебя. И ничего – от расписаний и цен. От тебя – и посылаемых тебе твоим велосипедным богом дождей и зноя, вонючих грузовиков и острых предметов. Ты сам волен распоряжаться своим временем и силами. И это время – замечательное время, чтобы подумать о многом, обо всем том, но что при обычной жизни времени всегда не хватает.

Одинокий Велосипедист

Отрывок 1¹

Отрывок 2

До работы был час пятнадцать. Но иногда он самопроизвольно растягивался до часа сорока. Пять минут до остановки, десять до метро, далее девять станций с двумя пересадками – пусть каждый перегон по три минуты и столько же на переход – 33 минуты, и еще две остановки или десять минут пешком. Итого: $5 + 10 + 33 + 10 = 58$ минут. Но меньше часа пятнадцати – никак. Введем поправочный коэффициент 1,25. Будем умножать на него рассчитанное время и получать реальное. В дальнейшем он нам очень пригодится.

Маршрутов с моей остановки много, но ходят автобусы косяками, как колонны военных в Чечне. Замыкающие автобусы почти пусты – на них пассажиров не хватает. Первые берутся с боем. Мне кажется, наши люди очень трудолюбивы, потому что так лезут в автобус и толкаются локтями и висят на подножках! И для чего? Чтобы попасть на работу. Еще хватает у кого-то бесстыдства утверждать, что наш народ ленив.

– Что вы пихаетесь!

– Я не пихаюсь!

– Молчите!..

– Сама молчи, овца!

Автобус заводит хорошо. В метро после него уже легче. Главное – попасть в вагон. Иногда поезда приходят и бессмысленно, как рыбы, открывают и закрывают двери: никто не выходит и никто не может зайти. Если только с разбегу – и сразу ухватить кого-нибудь из стоящих там за бок или за плечо, чтобы не выпасть обратно.

В вагоне накатывает сонливость и можно досмотреть продолжение прерванного будильником сюжета. Держаться за поручни – излишне.

На переходах вспоминаются майские и ноябрьские демонстрации, куда в детстве брал меня отец. Скорее даже ноябрьские, по выражению лиц. Мы колышемся волнами из стороны в сторону, стойко держась намеченной цели. В такие моменты я чувствую, что мы едины. Чувствую гордость. Это происходит в каменной трубе в нескольких десятках метров под землей.

Все это мне вспоминается теперь со злорадством и без особой ностальгии. Как глупая детская игра, в которой, понимаешь с возрастом, выиграть нельзя, но забавно смотреть, как в нее играют другие.

Был и другой вариант – в институте, при окончании, предложили работу за городом, с Курского вокзала. Один раз я туда ездил.

¹ Эти разрозненные записи я получил лично от Одинокого Велосипедиста незадолго перед его отъездом. Я не чувствую за собой права редактировать их и предоставляю читателю в оригинальном виде. Единственное, на что я рискнул, – записать по памяти некоторые эпизоды, рассказанные мне ОВ и не вошедшие в его записи, и вставить их в текст в наиболее подходящих, по моему мнению, местах. Текст первого отрывка был утерян по моей вине спустя две недели после нашей последней встречи.

Отрывок 3

Но руководству и дела не было. В результате я остался один в отделе, где по штатному расписанию должно быть пять человек. Еще приходил, конечно, два раза в неделю Антон.

Я ничего не успевал. Обеденного перерыва как такового не было, я убежал на пятнадцать минут в столовую. Приходил в девять, уходил не раньше семи.

Все жаловались на плохую работу отдела, я везде, где можно, говорил, что мне необходим хотя бы еще один человек. Мне отвечали, что у меня есть Антон, и мне не хватало совести каждый раз напоминать, что он бывает только два дня в неделю. Самое поганое, у меня не получалось хорошего контакта на самом верху. Уж так заведено, что для хорошего контакта нужно постоянно мелькать перед глазами, чтобы тебя видели. Это хорошо получается, если ты начальник отдела: поручаешь работу другим – а сам идешь мелькать.

Мелькать не так просто. Нужно постоянно сидеть в приемной на диване и ждать, пока главный либо придет, либо освободится. Еще нужно быть приятным и полезным секретарю, что руководит круговоротом посетителей. Однажды с отчетом я просидел полтора часа и узнал, что *он* уехал.

Так что контакта не было. Зато он был у других. Догадываетесь, у кого?

А с другой стороны – кто я такой? И не начальник, и не исполняющий обязанности. Никто меня не уполномочивал никого заменять, и никто не возлагал на меня никаких дополнительных функций.

Отрывок 4

Я пришел и ждал Костину – старую домашнюю бабушку, как та, что на пакете с молоком. Она работала здесь неизвестно сколько лет и, наверно, не представляла свою жизнь без этих стен. Сидел в ее кабинете и ждал. Рассматривал грамоты за годы безупречной работы на госслужбе. В соседней комнате монотонно била по клавиатуре секретарша Аня. Мне очень нужна была Костина, и я был рад, что ее нет. Я мог с чистой совестью просто посидеть. Немного тянуло в сон.

Каждый, конечно, решал сам, сидеть ли здесь или идти куда-то еще.

Но был и разряд таких людей, которые стремились сюда попасть. Откуда они приходили, сказать сложно, вряд ли со стороны. Кто-то их приводил. Они были неплохо одеты, например, в темные костюмы с узкой светлой полоской. Их лица были серьезны, даже если их брали на невысокие должности. Зачем этим обеспеченным людям надо было приходиться и устраиваться на небольшую зарплату? И почти сразу же они начинали крутиться около кабинета Т. П.

Я стоял у окна, в краешек которого попадал сквер. Кое-где из-под снега как будто стала пробиваться трава. Садилось солнце, зажигая стекла многоэтажки напротив. Я, наверно, тоже мог получить грамоту за свои почти шесть лет. Но не получу.

Окно было открыто, и оттуда шел уже не холод, а всего лишь прохлада.

– Не простудитесь? А то, давайте, мы лучше закроем окно.

Я не заметил, как вошла секретарша Аня. Грузная, лет сорока.

– Ничего, – ответил я. – Уже скоро лето.

– А это вы, кстати, заметили правильно, – оживилась она. – Я вот раньше с работы уходила, еще на той неделе, – уже темно было. А сейчас выходишь – и такая вот розовая полосочка вот там на западе – значит, и правда день длиннее становится и зима кончается. Теперь все уже, говорят, морозов не будет. Уже и птицы, я тут как-то слышала, на солнце поют. Скоро опять на новый – дачный – режим переходить будем. Тут ведь еще часы переводить будут. Вот как переведут, так и поедем смотреть, что там, на грядках-то. Сейчас вот, по приметам, мне Алла Васильевна сказала, – ну знаете ее, – такая погода, что нужно огурцы сажать, много вырастет. Урожайный для огурцов очень год. Да, а потом совсем светло будет, когда с работы будем уходить...

Мне кажется, она могла бы так говорить часами. Если б вдруг иссякла тема про наступающую весну, то она бы говорила про лето; что летом, например, светло даже когда домой с работы приедешь. А потом можно про осень. Но про осень она будет в августе. Про то, что уже значительно сократился день. А в октябре – и вовсе про то, что с работы приходится уходить по темноте. Вспомнит ли она тогда про весну? Нет, не вспомнит. Как не думает сейчас про осень, когда день будет становиться короче. Теперь она счастлива розовой полоской на западе. Она радуется ей каждый год, и так проходят все эти годы. Вспоминаемые по урожаям огурцов. Так радуются лету маленькие дети, им не приходит в голову, что потом все равно придет зима. Или они попросту забывают, что бывает зима.

Нужной сотрудницы я не дождался и ушел. Не испытывая никакой радости от прихода весны.

Отрывок 5

Вечерами я мог подолгу раскладывать компьютерный пасьянс или, не в силах подняться и пойти спать, смотреть телевизор.

Отрывок 6

Потом уволилась Оля.

Я как-то вернулся к нам в комнату и увидел кусок торта возле компьютера.

– Это что?

Антон оторвался от «Контры». Он был молодец, ему все равно – уволят или нет – и потому играл в «Контру». «Всего что от нас требуют, говорил он, мы все равно не сделаем, так что за разница: не сделаем мы половину или треть?»

– А? Это тут девушка приходила. Я свой уже съел. Она, по-моему, на втором этаже в конце коридора сидит.

Я поднялся на второй этаж.

– В честь чего гуляем?

Оля улыбнулась.

– Ухожу я от вас. Злые вы!

– В смысле? Увольняешься?

Кивнула: да.

– И куда?

– Пока никуда.

– Как никуда?

– Я тут больше не могу!

– Что-нибудь случилось?

– А то нет! Ты не видишь, тут каждый день что-нибудь случается!.. Набрали своих. Родственников уже всех пристроили, теперь соседей начали! Вот Левина ушла – думали кого-то из наших на ее место. Ирина восемь лет работает, можешь представить!..

– И что?

– Что! Берут какую-то Эльвиру Брониславовну! На фиг мне это надо – работать на этих копейках до старости!.. Давай чай пить, пока чашки еще не убрала.

Мы вместе ехали в метро. Она оставила свой телефон.

Примерно так же год назад ушла Маша. Очень быстро, в два дня. Я ей так ничего и не сказал. Потом, я слышал, она вышла замуж.

Отрывок 7

Я, конечно, тоже был хорош. Не понял с самого начала. А надо было, как все, – прогнуться под этого толстого придурка и послушно кивать головой, какой бы бред он ни нес. Все равно можно было тихонько все делать как надо, а не как требовал он. Он бы все равно потом не разобрался. Ничего же не смыслит... Но вообще фантастика: все крутили пальцем у виска и одновременно гнули спины, и только начальство души в нем не чаяло. Если бы я поступил тогда, как все, было бы проще.

Я не буду описывать, что было. Потому что мною двигало физическое омерзение, какого я в жизни еще ни разу не испытывал. Оно возникало при одном появлении этого придурка, и я ничего не мог с собой поделать. У меня не получалось быть подобоострастным и делать вид, что то, что он говорит, – умно и справедливо... Он шел по коридору, гундосил что-то Кате из кадров и держал руку у нее на талии.

Отрывок 8

Скорый поцелуй, а потом – еще один, скрытый от глаз, между колоннами. Мы шли неизвестно куда, мимо ее бывшей школы и дальше по переулку. Вскоре накатил дождь. Мы переждали его в магазине мобильных телефонов. Он промчался, но продолжало капать с крыш и с верхушек старых тополей, давших от корня новую поросль. Мы пошли дальше, и второй раз нас прихватило на углу. Пересмотрели все книжки в книжном, а потом стояли на высоком крыльце, так как по пятницам магазин закрывался в восемь. Стояли, и я, как всегда, не помню, о чем говорили, потому что это было отличительное свойство общения с Леной – повороты разговора в памяти не задерживались.

Отрывок 9

Утром я плелся от метро через дворы, в обход, на работу. Мимо школьного стадиона, обтянутой сеткой баскетбольной площадки, стен старых домов. Привычный маршрут уже месяц вызывал тошноту. Я нашел этот путь в обход. Вчера толстый придурок придумал мне еще одно идиотское задание. На задании стояла резолюция сверху. Я ему почти открыто хамил, а он мне придумывал задания. Чтобы я их завалил, чтобы можно было вклеить мне выговор. Чтобы я выглядел в глазах руководства... уж не знаю, кем он хотел меня выставить... Так меня будет проще подмять под себя. И я все это понимал, и шел, и думал, что мне делать с заданием, можно ли найти в нем зацепку, чтобы вывернуть в другую сторону, чтобы в дураках остался не я.

– Ты думаешь, так можно работать? – спросила меня Оля.

Она заехала забрать оставшиеся вещи, и мы вместе пообедали.

– А ты уже устроилась? – ответил я вопросом на вопрос.

– В процессе.

– Я думаю, что нельзя. Более того, толка от такой работы никакого нет.

– Ничего смешного.

Это она сказала, потому что я улыбнулся. Но она сидела сбоку и была занята курицей и не разглядела, что улыбка была грустной.

– Смешного ничего. Еще скажи, что я зря проедаю народные деньги.

– Молодец, что сам понял.

– Можно подумать, ты ушла, чтобы народ не разорять. Твою работу, кстати, двоих посадили выполнять... Тоже мне – приступ совестливости!..

Она молча сидела с куском курицы на вилке, а потом сказала:

– Ты не ходи сегодня к Придурку.

– Почему?

– Ты какой-то нервный.

Отрывок 10

Позвоню ли я Оле? Я давно не звонил никому. Хотя уже тепло, самое время звонить, встречаться с друзьями, пить пиво в парке.

И не раз ловил себя вот на чем: звоню Лене, предлагаю встретиться, а на самом деле рад, если у нее не получается. Потому что банально хочется выспаться. Много дней и недель подряд хочется выспаться.

Отрывок 11

У меня подозрительно поднялось настроение после решения подать заявление. И странно, но даже в виду неопределенности, оно не думало падать. Я до конца понял Олю и ее порхание в преддверии увольнения.

Я уходил не в отпуск, после которого все вернется в прежнюю колею. Я уходил совсем, и было абсолютно ясно, что назад не вернусь. Наступала свобода.

Мне хотелось всеми чувствами ощутить весну. Пронзительно уловить все ее запахи и настроение. Я решил написать заявление через неделю – не потому, что того требовала работа, а потому, что надо было уладить свои личные дела, и – что тоже немаловажно – распробовать постепенный приход свободы.

В конце этой первой недели я ушел на час раньше – кто бы что мне сказал? Мы встречались в метро с Леной, был май, и всю дорогу до станции я рассматривал пропускавшие сквозь себя лучи солнца свежие и яркие липовые и тополиные листья. Я чувствовал, что за последние несколько дней, которые благодаря работе я был выключен из жизни, все стало иным. Иными были улицы, по-иному ощущалось время – словно оно начиналось только сейчас, сию минуту и длилось бы вечно. Я даже думал по-иному, хотелось красивых пространственных фраз, приходящих в изнеможение от своей изящности. Как писали раньше про туманные рассветы, разбуженных насекомых и застилающий дорожки сада белый цвет яблонь.

Лена, как всегда, опаздывала (а впрочем, я не знаю никого, кто бы не опаздывал, а уж в мастерстве этого у Лены могли поучиться многие). Эти ожидания всегда что-то портили в наших отношениях. Я стал ходить по станции, всячески желая, чтобы она приехала и сперва меня не заметила.

Это дало результат.

– Я подумала, что ты уехал, – сказала она потом, – и решила, что так мне и надо за мои опоздания.

Отрывок 12

Но заявление лежало неподписанным. По секрету мне сообщила об этом Саша из приемной. Антон к тому времени тоже написал заявление, и, видимо, теперь руководство прониклось ситуацией и стало судорожно искать нам замену. Спустя еще несколько дней в моем кабинете появился мужчина лет тридцати пяти, походивший на доцента-математика, что оказалось, кстати, недалеко от истины. Его нашел Т. П. – кто бы сомневался, что он не упустит шанс привести своего человека. При упоминании про Т. П. доцент каждый раз поправлял очки и становился на градус строже. Я внутренне улыбался. А под конец – и внешне тоже. Почему? Да наверно, потому, что хотелось сказать: шли бы вы отсюда подобру-поздорову, пока еще не поздно. Ему льстило, что он будет начальником в солидном учреждении, будет солидным чиновником, что его пригласил сюда важный человек, что он будет получать много денег. Но если бы я ему рассказал, как все будет на самом деле, что солидное учреждение набито не поймешь кем и занимается не ясно чем, что здесь свои взаимоотношения и своя субординация, в зависимости не от должности, а от того, у кого где какие связи и родственники, что важный человек прогнет его под себя и будет им командовать, что деньги не оправдают труда, что со своей идеальной математикой он вряд ли сдвинется выше с этого места, что вряд ли поймет, как здесь прокручивают свои дела... Так вот, если бы я ему все это рассказал, он бы ушел, а я бы остался. А мне уже нечеловечески хотелось наоборот – чтобы остался он, а я наконец свалил бы отсюда и скорее забыл обо всем.

Отрывок 13

Но все сложилось немного иначе. Понедельник я почти не вставал, весьма смутно осознавая радость от нахождения дома. Во вторник температура стала спадать, но появился насморк. В среду и четверг он стал просто невыносим, никакие капли не помогали, и я лежал на диване, обложенный носовыми платками, и щелкал пультом от телевизора.

– Это нервы, – сказала Лена. – Организм расслабляется, почувствовав свободу.

Вот я и свободен, думал я, это все же очень замечательно! Чем заниматься дальше, я пока не знал. И, если честно, не хотел знать – денег, что у меня были, должно было хватить до конца лета, а при известной экономии – до ноября. В конце концов, я решил отдохнуть, последний раз я был в полноценном отпуске три года назад. В конце концов, я это заслужил. В августе начну искать работу, хотя летом искать работу глупо – все в отпусках, надо искать в сентябре.

Отрывок 14

В пятницу я открыл стенной шкаф, тянувшийся вдоль коридора, и под грудой картонных коробок, старых башмаков и прочего хлама различил холодноватый матовый отблеск металла. Я забыл, зачем сюда полез, и, убрав все ненужное и завалив им и без того тесный коридор, я увидел свой велосипед, висевший – чтобы не повредить от долгого стояния резину – на двух вделанных в стену кронштейнах.

Я долго его разглядывал и ловил тянувшийся еще с детства запах, исходивший из внутренностей шкафа каждый раз, когда из него что-то доставали или клали обратно. Вспомнил, как катался на даче, длинными лесными дорогами, носился по шоссе вдоль пшеничных полей, нырял, пренебрегая тормозами, на закате в затянутую туманом ложбину с мелкой извилистой речкой внизу, как всюю крутил педали, чтобы докатиться по инерции как можно дальше... И тут я понял, чего был лишен все последние годы – упругости ветра, свиста в ушах, приятной тяжести в мышцах и... свободы. Я коснулся рукой холодного изогнутого руля, и после этого в руке осталось ощущение его формы и толщины.

Потом я снял велосипед и, путаясь ногами в коробках, перенес в комнату, протер от пыли, вспомнил, как приделывается руль, поправил седло. Перевернул велосипед вверх ногами и с непривычки долго возился, приворачивая педали. Опасаясь за целостность камер и даже вспотев, накачал оба колеса. Смазал маслом цепь и колесные втулки. Проверил тормоза.

Возился долго и затем, сев рядом на пол, тронул педаль, цепь вздрогнула и повернула колесо. Комнату наполнил тихий механический звенящий шелест – это текла по кругу цепь и резали воздух спицы. Я крутил педаль, колесо на большой скорости восьмерило немного, вслушивался в звук и пытался вспомнить дальше...

Отрывок 15

Я поехал на другом автобусе, который шел немного в сторону. Через три остановки я вышел и, повернув за палатку, попал на тропинку, карабкающуюся вверх по склону железнодорожной насыпи. Внутренне удивился, как легко дался подъем, хотя тут можно было упасть и днем на трезвую голову. Длинная дуга путей пустовала, и непонятно кому светили семафоры. И то, что никого не было, а они светили – настораживало. Слева и справа внизу были гаражи, склады, автобазы, предприятия, выпускающие неизвестную продукцию, редкие фонари. Дорога самая неприятная, но самая короткая. То ли дело на велосипеде... Душераздирающе скрежетали камешки, и я старался ступать на шпалы, но шпалы лежали очень неудобно – или шаги должны были быть очень короткими, либо слишком длинными, я все время путался и сбивался и из-за создаваемого шума периодически оглядывался назад, чтобы вовремя заметить подкравшийся поезд.

Один раз чуть не упал, наткнувшись на металлический прут, торчавший между рельсами, от него к металлической коробке возле путей шел какой-то провод. Пробовал идти по рельсе, но это уже было не для меня. Потом слева и справа начались деревья и виднее стали звезды.

Так я дошел до еще одного моста, от которого уже было близко и где можно было спуститься с насыпи. Самое неприятное началось дома. Сперва стало жарко, меня пошатывало, во рту доминировал маслянистый сладковатый привкус. Я открыл балкон, долго умывался, полоскал рот, потом без сил упал на кровать, но не тут-то было... Я даже не смог осознать всю гамму ощущений, когда лег и выключил свет. Ничего более адского не пришлось испытать за всю жизнь. Мне кажется, на том свете так доканывают тех, кому нипочем котлы со смолой. В три секунды я вспотел и дрожащей рукой нащупал выключатель, чтобы вернуть свет обратно.

Дела были плохи. Лечь было нельзя, так как сразу подкатывало из желудка; закрыть глаза или потушить свет – тоже нельзя, поскольку начинался невероятный вертолет.

Тяжело дыша, полуглядя в расплывающиеся книжные страницы и боясь закрыть глаза, проклиная коньяк и турков, с тазиком у кровати я провел остаток ночи. Часов в семь я очнулся, и вот теперь понадобился тазик...

Так мы отметили Димкин день рождения. Очень душевно, перебрав всех знакомых и пересказав последние романы в интимных подробностях (я, правда, больше слушал). Ели пиццу, очень вкусную. Мне сейчас кажется, что она во всем виновата, но не факт. А потом, когда все показное слетело и мы вновь стали детьми, пиво закончилось и Димка вспомнил, что в машине есть подаренная коллегами бутылка коньяка и какие-то турецкие сладости. Мы спустились во двор, машина стояла в тени деревьев, коньяк был очень хороший, мы слушали музыку и говорили, что на самом деле всё – ерунда, и что я поступил правильно, и что он, Димка, тоже бы уволился и пожил в свое удовольствие, если бы не жена и не кредит за квартиру и если бы не боялся потом опять начинать с нуля. Почему с нуля? – возмутился я. И мы договорились, что не с нуля, но и совсем не с той позиции, на которой он сейчас. Тогда я спросил, чем бы он занялся, и он ответил, что научился бы играть на пианино или каком-нибудь синтезаторе. И если бы хорошо получалось, пошел подработать в ресторанчик, играл бы там по вечерам.

Воскресенье прошло в полубреду, и только к вечеру, осторожно неся на негнувшейся шее чугунную голову, я добрался на кухню и смог без особого отвращения посмотреть на печенье и сухари.

Велосипед в коридоре укорял меня своим спортивным видом. Стоял молча, но я же видел, что укорял.

– Ничего-ничего, – сказал я ему, взявшись за изогнутый руль, – я тебе обещаю, мы еще...

Отрывок 16

Почему я не катался все эти годы? То есть катался, но редко, на даче, и чаще – на совсем старом мамином велосипеде. А здесь, в темном шкафу, стоял мой. И наверно, уже не надеялся, что его когда-нибудь вынут. Последний раз я ездил на нем года два назад.

Что меня теперь удивило, когда я снова стал ездить на велосипеде?

Во-первых, изменилась геометрия города. То, что казалось далеко, куда надо было добираться на двух автобусах и трамвае, оказалось рядом. А то, что было рядом, в четырех станциях метро, – становилось труднодоступным.

Во-вторых, чем дальше от центра города, тем быстрее удавалось передвигаться.

В-третьих, в центре города скорость падала до нуля и его можно было считать недоступным вовсе.

В-четвертых, четче проявился рельеф. Раньше я с ним не считался и мои транспортно-пешие маршруты от него не зависели.

В-пятых, велосипедисты на улицах (если не брать в расчет дворовую шпану) почти не встречались.

Отрывок 17

Дождило. Мы зашли в маленькое простенькое кафе.

Принесли пиццу. Внутри нехорошо шевельнулось. «Всё-всё-всё! – уговорил я себя. – Всё прошло. Уже неделя».

У вермута был густой привкус зубной пасты.

– Это же не «Мартини», – сказала Лена не совсем уверенно.

– Не «Мартини», – подтвердил я.

– Обманывают.

– Было ясно с самого начала.

Я посмотрел на него на свет – он желтел в стакане, а потом потемнел, когда сквозь него проехал троллейбус. Желтел, как вода в дачном колодце.

Маленькими кусочками она ела пиццу. Несколько минут мы молчали. Я смотрел в окно. Может быть, она вспоминала наши прошлогодние походы по кафе. Но только не думаю, что это так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.